

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**РАЗБОЙ
В КРОВИ У НАС**

Сергей Зверев

Разбой в крови у нас

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

Разбой в крови у нас / С. И. Зверев — «Научная книга», 2009

Всегда славилась Российская держава ворами да разбойниками. Много жуткого могли бы рассказать те, кому довелось повстречаться с ними на пустынных дорогах. Да только редкому человеку удавалось после такой встречи остаться в живых... Та же горькая участь могла бы постичь и двух барынь – мать и дочь Башмаковых, возвращавшихся с богомолья из монастыря. Пока бандиты потрошили их повозку, на дороге волей случая появились двое крестьян-паломников, тут же бросившихся спасать попавших в беду женщин. Вместе с ямщиком Захаром они одерживают верх над грабителями. Но впереди долгая дорога, через каждые три версты новые засады разбойников – паломники предлагают сопровождать дам в их путешествии. Одного из них зовут Дмитрий, другого – Григорий. Спустя годы его имя будет знать вся Российская империя – Григорий Распутин...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Зверев

Разбой в крови у нас

Глава 1

Начинающийся весенний день обещал быть теплым и солнечным. Миновала уже неделя с тех пор, как позади осталась родная Тобольская губерния, и окружающий пейзаж заметно изменился. Равнину сменила изрезанная оврагами холмистая местность Пермской губернии. К самому этому изменению Захар Радайкин был вполне готов. Будучи потомственным ямщиком, он неплохо знал дороги, даже если они уводили за сотни верст от родного дома.

А вот к чему Захар оказался не готов, так это к тому, что будет заметно уставать на этих бесконечных подъемах и, забравшись на очередной холм, станет останавливаться, тяжело дыша.

– Ямщики пешком ходить не приспособлены, – пробормотал Захар в светлые усы, задержавшись на мгновение перед спуском в очередной овраг. Преодолевать такие расстояния пешком ему действительно не приходилось, но все когда-нибудь происходит впервые...

Если бы Захар не был так погружен в свои невеселые размышления о трудном прошлом и туманном будущем, то мог бы полюбоваться окрестностями. Ранняя весна уже одела лес в зелень, в овраге, среди невидимых пока камней журчала вода, а в зарослях заливались птицы.

Но молодой ямщик думал только о том, что, если бы пошел проливной дождь, у него было бы прекрасное оправдание потратить последние деньги на покупку места в почтовой карете до Казани. Сумма, вырученная после продажи имущества отца, катастрофически уменьшилась, когда он выплатил все долги. Единственный отпрыск Афанасия Радайкина остался почти ни с чем.

Но и то, что осталось, могло пригодиться, чтобы начать дело на новом месте. На помощь казанской родни своей покойной матери Захар не слишком-то рассчитывал.

Он тряхнул русой головой, отгоняя мрачные мысли. Чего гадать о будущем, коли впереди дорога, которой еще идти и идти!

Легко сбегав по склону, он остановился только у дощатой переправы через мелкий ручеек – нужно было набрать воды во фляжку. Однако исполнить свое намерение он не успел.

– Куда так спешишь, касатик? – услышал Захар насмешливый вопрос и резко развернулся. – Тихе, тихе, сокол ясный!

Острие старого кавалерийского палаша уперлось в ребра путнику. Худой мужичонка, орудовавший этим офицерским оружием с завидным проворством, мрачно улыбнулся. В кустах слева шевельнулась еще какая-то тень.

– Чего вам с меня, православные?.. – начал было Захар, искренне недоумевая, зачем мог понадобиться грабителям его тощий кошелек.

– Цыц, пока не спросят! – шикнул разбойник и подкрепил свои слова молниеносным ударом, приложив рукоять палаша к Захаровой скуле. – Почему один в дороге? Бежишь от кого?

От удара в глазах у ямщика заплескали цветные пятна. Он невольно схватился за щеку, но почувствовал только, как между пальцев течет кровь, – скула онемела.

– Ты б ему еще зубы выбил, а потом спрашивал, – буркнули откуда-то из тени слева.

– Почто возитесь? Потом с ним разберемся! – повелительно гаркнул какой-то детина с ружьем.

Обладатель палаша безмолвно повиновался приказу. Отобрав у Захара единственное оружие – знатный охотничий нож, душегуб пихнул его в кусты и, оглянувшись на пустынную дорогу, сам отправился следом.

Теперь ямщик оказался между ним и одышливым бородачом, поспешно связавшим пленнику руки. Захара бросили на землю лицом вниз, и связанные впереди руки неудачно уперлись в ребра. Вокруг все затихло, а разбойники замерли, внимательно всматриваясь в поворот дороги на Тобольск.

У Захара больше не осталось сомнений – они ждали какую-то крупную добычу, которая должна появиться на дороге с минуты на минуту.

Уткнувшись носом в сладковато пахнущие прошлогодние листья, он осторожно скосил взгляд на сидящего рядом мужичонку с палашом. Зачем же они его схватили, если ждали другую жертву? Ответ пришел сам собой – если бы Захар не успел отойти на достаточно большое расстояние, то мог бы услышать шум и крики и сообщить о нападении в ближайшем городишке. А там – полиция, погоня, стрельба и прочие неприятные для грабителей вещи.

Куда удобнее им будет тихо зарезать одинокого путника в глухом месте и спокойно улизнуть с добычей.

– Че таращишься? Нас не сглазишь! – прошипел разбойник зазевавшемуся Захару и с рассчитанной жестокостью ткнул его в рассеченную скулу. Пленник неуклюже дернулся – он был не в силах скрыть боль – и услышал сдавленное хихиканье толстяка.

Какая глупая смерть его ждет! Быть зарезанным грабителями, которые даже не его грабят!

В это мгновение толстяк издал какой-то странный звук, и Захар осторожно приподнял голову. Смотреть ему не запрещали, и он взглянул на дорогу. Увиденное заставило ямщика скрипнуть зубами.

По широкой колее, в которую вливалась та дорога, которая привела сюда его самого, спускалась открытая повозка. На козлах скучал кучер и дремал маленький старичок, а в самой повозке сидели женщины: служанка и барыни. Дородная служанка что-то щебетала, поминутно взмахивая пухлыми руками. Старшая барыня слушала ее, неодобрительно хмурясь, а младшая то и дело хихикала, прикрывая рот рукой в перчатке.

Вот ведь понесло дуриц за тридевять земель! Что их привело в здешнюю глушь? Разве что паломничество. Где-то в этих местах расположен знаменитый Верхотурский монастырь, в котором хранятся мощи святого, имя которого Захар сейчас никак не мог припомнить. Уж не туда ли наведывались барыни?

Следующая мысль, которая пришла в голову ямщику, была о том, что теперь может ждать этих религиозных путешественниц и их безобидных спутников. Мысль была настолько неприятная, что Захар даже зажмурился на мгновение. Сложат их всех рядочком в овраге и даже землей не присыпят... И его вместе с ними.

От эдакой яркой картины ямщика отвлекли неожиданные звуки – как будто сразу несколько птиц завели свои не подходящие времени и сезону трели. Захару рассказывали, что так испокон веков перекликаются разбойники, предупреждая об опасности. Однако сам он с таким не сталкивался. Ямщик завертел головой в поисках таинственной угрозы для разбойников.

Повозка по-прежнему катила вперед, только кучер захлопал сонными глазами, прислушиваясь к странным трелям. Дорога пустовала на много верст вперед, позади тоже было спокойно. Разве что...

Захар наконец заметил движение, но не на дороге, а на едва заметной тропинке, спускавшейся с крутого склона прямо в овраг, где залегли разбойники. По крутизне осторожно двигались двое пеших путников в простой крестьянской одежде. У обоих были посохи в руках и котомки за плечами.

Птичьи трели неожиданно прекратились, и толстый бородач, переглянувшись со своим приятелем, неожиданно легко и бесшумно скользнул в подлесок. Разбойники решили перехватить и этих незваных гостей.

Захар снова нашел глазами спускающихся крестьян, с которыми вполне мог оказаться в одной могиле. Вдруг шедший впереди мужик замер на месте, как будто увидел что-то ужасно интересное на тропинке прямо перед собой. Его спутник воспользовался остановкой, чтобы передохнуть, и тяжело оперся о посох.

Первый крестьянин, не оборачиваясь, бросил какую-то короткую фразу своему приятелю и, одним легким движением перескочив тропинку, скрылся за деревьями. Его спутник сделал то же с опозданием на мгновение.

Сердце пленника сделало какой-то дикий прыжок к горлу и застучало в два раза быстрее обычного. Мужички что-то почуяли, они будут сопротивляться! Не все разбойничкам тешиться! А сам-то он что же ушами хлопает! Душегуб-то с ним один остался, на помощь звать он не будет, а руки у Захара, по счастью, связаны впереди...

Незаметно подобравшись, молодой ямщик отчаянным рывком перекатился вправо, подминая под себя щуплого разбойника. Но тот держал свой палаш под рукой и сразу же собрался проткнуть навалившегося ему на спину Захара. Ямщик едва успел перехватить удар, подставив замок из связанных рук против запястья разбойника. Тогда противник попытался подняться и стряхнуть с себя непокорного пленника. Захар был тяжелее и, воодушевленный своим отчаянием, даже постарался разрезать веревку об оружие врага. Разбойник принялся дергать рукой в надежде попасть лезвием в противника.

Затея оказалась удачной – руки Захара тут же покрылись многочисленными, но неглубокими порезами. Они продолжали бороться в молчании, и Захар почувствовал, что в итоге победит самый выносливый.

Руки ямщика начали подрагивать, позволяя оружию разбойника то и дело оказываться в опасной близости от его плеч. Оскал душегуба все больше начинал походить на ухмылку. И когда разбойник уже окончательно поверил в свою победу, Захар резким движением дернул его за руки, изгибаясь и привставая так, чтобы острый край палаша пришелся противнику на шею. Разбойник задергался под ним, пытаясь избежать губительного соприкосновения шеи со сталью, а ямщик удвоил усилия. Наплевав на боль, он навалился плечом на противоположный, не заточенный край лезвия и почувствовал, как оно входит в чужую плоть. Оставалось не отпускать и подождать, когда тело врага перестанет дергаться в предсмертной агонии.

Все кончилось очень быстро, и Захар, перекатившись на спину, еще немного полежал, пытаясь прийти в себя и понять, что делать дальше. Перерезав веревку, вытерев руки об одежду и вооружившись разбойничьим палашом, он подполз поближе к дороге.

Судя по пути, преодоленному повозкой, все время борьбы заняло не более пары минут, а молодому человеку казалось, что они возились там целый час. Мужиков видно не было, а в лесу стояла полная тишина. Может быть, они сбежали или отправились за помощью? И ему теперь стоит поступить так же?

Прийти к какому-либо решению Захар Радайкин не успел.

Раздался выстрел, а затем на дорогу перед повозкой высыпали разбойники. Кто-то схватил под уздцы ошалевшую лошадь, и только тут Захар заметил, что кучер медленно заваливается на колени к проснувшемуся старичку. Стреляли не в воздух.

Служанка издала высокий пронзительный визг, молодая барыня сползла на дно повозки, а старшая поднялась во весь рост.

– По какому праву?.. – начала она срывающимся голосом.

Ее бесцеремонно дернули назад и велели помалкивать, пока несколько душегубов, отложив на время кистени и сабли, отвязывали чемоданы и рылись в их содержимом. Судя по

всему, искомого они не обнаружили. К женщинам приблизился тот здоровенный детина, которого Захар посчитал вождем всей шайки.

Не высываясь из-за деревьев, ямщик постарался приблизиться к месту действия.

– Где ты прячешь свои побрякушки? Отвечай, пока добром спрашивают! – услышал Захар бас предводителя. – Мне люди верно сказывали, что ты с ними не расстаешься.

Барыня только плотнее сжала побелевшие губы, но дрожь в руках скрыть не могла.

– Ну, как знаешь, – пожал могучими плечами главарь. – Тогда щас всю одежду с тебя ребятушки сымут и все одно найдут.

Младшая девица истерично всхлипнула и разрыдалась, а служанка принялась причитать:

– Отдай, матушка, отдай ты им, иродам! Не губи себя и нас!

Барыня на мгновение утратила свою выдержку, когда взгляд ее упал на дочь. Теперь, вблизи, Захар не мог не заметить их сходства – светлые волосы и правильные черты лица.

Трясущимися руками барыня оторвала от пояса какой-то ярко расшитый мешочек и швырнула его главарю шайки.

Затаившийся Захар напрягся – сейчас будет ясно, что намерены делать грабители со своими жертвами.

Детина с ружьем не спеша подобрал изысканную сумочку и высыпал на ладонь какие-то сверкающие украшения. Высоко подняв руку, главарь продемонстрировал своей шайке добычу и, жестом прервав одобрительные выкрики, велел вытаскивать женщин из повозки.

Притихшая служанка обхватила своими большими руками младшую барыню, будто стремясь закрыть ее от всего, что творится вокруг. Старшая женщина беспомощно озиралась вокруг, а несчастный старичок вовсе не смел пошевелиться от ужаса.

Раздираемый внутренними противоречиями, Захар тоже ничего не предпринимал. Один он никак не мог им помочь, но совесть все равно твердила, что нужно что-то делать.

– Почто баб пугаешь, мил-человек? – раздался неожиданный громкий вопрос.

Все тут же повернули головы на звук и обнаружили, что на краю дороги стоит один из мужиков, замеченных недавно на крутом склоне. Его обветренная физиономия в обрамлении темных волос и короткой бороды казалась совершенно спокойной.

Тут же, не дожидаясь ничьих приказов, двое ближайших разбойников подскочили к непрошеному гостю и, заломив ему руки, потащили к главарю. Остальные прекратили свои попытки стащить служанку с коляски и придвинулись поближе, чтобы не пропустить интересное.

– Где твой попутчик? – спросил главарь, больше глядя по сторонам, чем на поставленного на колени мужика.

– Так тягу он дал сразу же, как твоих ребятушек за приметил, мил-человек, – охотно пояснил тот. – Мы – люди мирные, паломники. Шли своей дорогой, а тут вы... Отпустили бы барынь со мной, вам бы на том свете зачлось...

Но главарь его даже не слушал.

– Где Прокл с Кузькой? Что ты мне тут зубы заговариваешь! – гаркнул он, багровея.

– Еще и Тощего не видать, – подал голос кто-то из разбойников.

– Что молчишь, божий человек? – угрожающе зашипел главарь и потянулся к поясу за ножом.

Тут почти переставший дышать от волнения Захар совсем перестал понимать, что происходит.

Крестьянин ни с того ни с сего начал быстро заваливаться на спину, изгибаясь дугой в руках у разбойников.

– Припадочный, что ли? – буркнул один из них, невольно наклоняясь вслед за пленником. Ответить на этот вопрос главарь не успел.

Паломник выпрямился одним стремительным движением, будто раскрывшаяся пружина. Оба державших его разбойника потеряли равновесие от этого неожиданного рывка и неуклюже повалились друг на друга. Крестьянин же вцепился в выхватившего нож главаря, и они закружились на месте, будто в странном танце.

Грянувший сразу же вслед за этим выстрел внес в ряды разбойников смятение. Стреляли откуда-то сверху, и пуля настигла того разбойника, который держал лошадь. Падая, он не сразу выпустил из рук удила и, судя по всему, порвал бедному животному губу. Лошадь взвилась и, не разбирая дороги, понеслась галопом.

От резкого толчка старичок слетел со своего места на козлах в дорожную грязь, а женщины попадали на пол повозки. Разбойники наконец пришли в себя, и те, у которых были ружья, принялись обстреливать стремительно уносившуюся от них повозку.

Захар решил, что пришел его час, и вылетел из кустов, размахивая палашом. Ближе всего к нему был один из тех, кто недавно держал крестьянина перед своим главарем. Захар рубанул по нему, не дожидаясь, пока противник развернется и приготовится к обороне. Душегуб заорал и попытался отскочить, но было уже поздно – его правая рука повисла окровавленной плетью.

Сверху снова раздался выстрел. На этот раз, кажется, стрелок ни в кого не попал, но двинувшийся было на Захара разбойник с саблей замер в нерешительности.

– Баб хватай и тащи в лес! – услышал он сдавленный хрип крестьянина и оглянулся.

Разбойничий главарь и паломник катались по земле, сжимая друг друга в объятиях, но последний как-то успел заметить появление Захара, и последние слова предназначались, несомненно, ему.

– На заход идите, – снова подал голос крестьянин.

Захар попытался принять решение сам, но мыслей в голове не было вообще. В руках был палаш, впереди разбойники с ружьями и саблями, а в овраге повозка с женщинами. Ямщик ринулся к ручью, петляя и пригибаясь. Здесь у дороги рос густой кустарник, за которым он постарался скрыться.

Ошалевшая лошадь была уже по ту сторону ручья. Немилосердно подпрыгивавшая на кочках повозка угодила колесом в канаву и вместо поворота начала заваливаться набок. Лошадь встала на дыбы, и грянуло сразу несколько выстрелов. На этот раз разбойники попали в невольнo остановившуюся мишень.

Захар перебрался вброд через ручей и помчался к месту крушения повозки.

К тому моменту, когда он до нее добрался, лошадь уже затихла, и стали слышны женские всхлипы.

– Не бойтесь, я хочу вам помочь! – крикнул Захар еще издали, чтобы не слишком напугать женщин своим появлением. Из упавшей повозки осторожно выглянула старшая барыня и окинула ямщика подозрительным взглядом, задержавшись на его разбитой скуле и окровавленном оружии.

– Ты с тем мужиком? – спросила она коротко. Несмотря на ситуацию, ее голос не утратил повелительных ноток.

– Мы с ним заодно, – кивнул Захар. – Вы целы? Нам нужно уходить как можно быстрее.

– Мы с дочерью – да. Но нельзя так бросить Палашу.

Захар нагнулся над коляской и, отодвинув в сторону перепуганную девушку, уставился на абсолютно белое и неподвижное лицо служанки Палаши.

– У нее пуля в... спине, – выдавила из себя младшая барыня, стараясь не разрыдаться.

– Она уже мертва, – оборачиваясь к матери, сообщил Захар. – Если есть зеркальце, можете удостовериться.

Он вздрогнул от неожиданности, когда почувствовал, как в его руки суют что-то холодное.

– Проверьте, – умоляюще пискнула девушка, настойчиво протягивая дрожащей рукой зеркальце.

Захар решил, что быстрее будет согласиться, и склонился над телом Палаши, попутно удивляясь, что барыня обратилась к нему на «вы».

– Не дышит, – констатировал ямщик и замер, уставившись на другой берег ручья. Там творилось что-то интересное.

У самой границы леса стоял теперь второй крестьянин с ружьем, ствол которого утыкался сейчас прямо разбойничьему главарю в спину. Тот был заметно помят и вывожен в грязи. Впрочем, его противник выглядел не лучше. Он сновал между замершими на местах разбойниками и подбирал отброшенные ими ружья.

Захар подскочил – все это надолго разбойников не удержит. Окинув взглядом местность, молодой человек решил, что лучше всего будет пойти по берегу ручья. Он тек по дну оврага, уходящего как раз на запад. Кажется, именно про запад говорил ему крестьянин.

Приняв решение, Захар обернулся к своим новым спутницам:

– Нужно побыстрее уйти от дороги. Я пойду вперед, а вы... поспешайте.

Захар побежал нарочно медленно, чтобы женщины не отставали слишком сильно и всегда видели его фигуру. На самом деле он понятия не имел, куда ведет их. Оставалось надеяться только, что оба крестьянина удачно осуществят задуманное и найдут их быстрее, чем они заблудятся.

Привычный к городу Захар с трудом ориентировался в лесной чаще и совсем не знал эту местность.

Дамы, надо отдать им должное, ни разу не пожаловались на тяготы беготни по кустам и кочкам. Не обращая внимания на то, во что превращались их длинные светлые платья, они спешили вслед за своим проводником. Захар догадывался, что пока их подгоняет страх, и даже боялся думать о том, что будет, когда усталость возьмет над ним верх.

Овраг постепенно сужался, и пора было подумать о том, чтобы выбираться наверх. Ямщик решил сначала подняться по склону и осмотреться. Погони он не слышал, но мог увидеть. Выбрав правый склон, он принялся было карабкаться по осыпающимся камням и скользким прошлогодним листьям, но замер, услышав какие-то звуки.

Оглянувшись, ямщик увидел на противоположном склоне оврага знакомые фигуры обоих мужиков. Они тяжело дышали и выглядели так, будто бежали изо всех сил, пока их хватило. Посохов у них уже не было, и только у одного за плечами болталось ружье, как понял Захар, трофей от разбойников.

Не удержавшись от радостного крика, молодой ямщик скатился обратно в овраг и принялся помогать дамам выбраться на противоположную сторону, чтобы воссоединиться со своими спасителями.

Оба паломника плюхнулись на землю у края оврага, стараясь получить наибольшую пользу от передышки. Когда дамы и Захар выбрались на ровное место, то тоже вынуждены были признать, что им требуется небольшой отдых. Ямщик уселся рядом с паломниками и принялся с интересом их рассматривать.

Стрелок, прихвативший у разбойников ружье, был старше, в его бороде уже показалась седина, а обветренное лицо прорезали морщины. Он угрюмо смотрел куда-то в пространство перед собой и окружающим не очень-то интересовался. Второму было, на взгляд Захара, около тридцати лет. Сложения он был худощавого, но, судя по тому, что довелось сегодня наблюдать ямщику, силой обладал немалой.

Почувствовав на себе взгляд, паломник оглянулся. Захар тут же отметил, что у него какие-то странные глаза: слишком светлые, пронзительные и немного пугающие своей неестественной ясностью. Будто поняв его мысли, мужик улыбнулся, чем немного сгладил неприятное впечатление.

– Что ж мы все никак не познакомимся-то? – обратился он ко всем сразу. – Я уж отдышался, вот и начну. Зовут меня Григорием Распутиным. Мы с Тобольской губернии идем в странствие к киевским святыням. А по дороге и в другие святые места заходим. Как не зайти? Друг мой давно уже странничает, оттого и не слишком разговорчив. Зовут его Дмитрием Печеркиным.

Стрелок коротко кивнул, выразив этим согласие со словами спутника.

– А ты, милой, кто таков будешь? – повернулся к ямщику Григорий.

– Захар Радайкин, ямщик в городе Тобольске у отца своего, пока он не преставился. Теперь вот к родне отправился в Казань...

При этих словах Захара младшая барыня всплеснула руками и заулыбалась. Ее мать тут же пояснила:

– Я офицерская вдова, Башмакова Анастасия Леонтьевна, а это моя дочь Екатерина, и мы как раз из Казани в эти места пожаловали, – тут она не удержалась от короткой усмешки. – К святым местам отправились. А тут вот... А ведь уже назад ехали! – Она махнула рукой, но потом все же спросила: – Что там с моими драгоценностями стало? Не отобрали вы их?

– И не пробовали, матушка, – ответил Григорий. – Так душегубы эти за нами денек погонятся да отстанут. Охота им ноги топтать? А коли б мы добычу их отобрали – тут бы нам и конец. Небось у вас в Казани-то еще ожерелья есть? Главное, живым туда дойти.

– Поспешать надобно, – поднимаясь на ноги, впервые заговорил странник Дмитрий. – Помнишь эти места? – обратился он к Распутину. – Где тут ближайшая деревенька будет? Туда, где люди, они не сунутся.

– Осмотреться надо, – тоже поднимаясь и оглядываясь, ответил Григорий. – Вы пока в ту сторону идите.

Он махнул рукой на северо-запад и, скинув запачканный после драки на дороге кафтан, вручил его на сохранение Захару. Барыни поднялись на ноги с явным трудом, а младшая не удержала тяжелого вздоха и ухватилась за дерево.

Стоявший рядом Григорий тут же поднял подол ее замызанного платья, и стали видны маленькие ножки в туго зашнурованных ботинках на каблуках. Катерина взвизгнула, выдерживая из его руки свои многослойные юбки.

– Что ты себе позволяешь! – возвысила голос офицерская вдова.

– Что, матушка, и у тебя такие? – не обращая внимания на ее тон, скорбным голосом спросил Григорий.

Башмакова-старшая гордо продемонстрировала ему свою ногу в точно таком же ботинке.

– Ах ты, господи! – пробурчал Печеркин, явно имея в виду что-то другое.

– Хоть быстро, хоть медленно идите, а ноги в кровь сотрете всяко, – покачал головой Захар.

– Потерпи немного, милая, как в деревню придем – подлечишься, – ободрил Катерину Григорий, прежде чем отправиться на осмотр местности. Девушка почему-то покраснела, пряча от него взгляд, и еще раз одернула юбку.

* * *

Вот теперь, когда нужно было просто идти, на путников начала наваливаться запоздалая усталость. Захар шел последним и потому мог видеть всех, кроме Григория, все еще не вернувшегося из своей разведки.

Первым шел странник Дмитрий, и шел быстро. Следом спешили барыни. Вдовица казалась более выносливой и время от времени поддерживала начинавшую заметно хромать дочь. Девушка вообще выглядела неважно – румянец сошел с щек, и глаза как-то запали.

Захар усмехнулся про себя: «Сам-то небось не слишком хорош – весь исцарапанный и окровавленный». Мысли сами перескочили на недавние события. До сегодняшнего дня молодому человеку не доводилось попадать в такие переpleты и тем более кого-то убивать. Драки случались, но там все заканчивалось разбитыми лицами и сломанными ребрами.

Ступая по мягкому мху и раздвигая покрытые свежей зеленью ветки, Захар пытался осознать, что сумел избежать смерти сам и принес ее другому человеку. Но совесть молчала – в глубине души ямщик верил в свою правоту и не мог заставить себя почувствовать раскаяние. Более того, его переполняла гордость за себя. За то, что смог справиться с врагом даже со связанными руками, что не растерялся и помог себе и другим. Совесть было не под силу совладать с таким могучим самодовольством.

– Нам нужна передышка, – повелительно заявила Анастасия Башмакова, останавливаясь и усаживая дочь на какой-то почерневший от времени пенек.

– Кажись, идем в нужную сторону, – пробурчал Печеркин. – Можно и передохнуть чуток.

– Как это ты понял, что в нужную сторону идем? – заинтересовался Захар, оглядываясь по сторонам. Вокруг был все тот же лес, только подлеска стало меньше, а деревья были моложе.

– Пенек видишь? Слишком далеко от деревни никто рубить лес не станет.

Захар покивал, устраиваясь на земле под деревом и с наслаждением вытягивая ноги. Дмитрий как-то неловко присел перед вдовой и, не глядя на нее, предложил:

– Покушать не желаете? У меня тут сухари только. Не побрезгуете?

Напряженное лицо Анастасии Леонтьевны немного разгладилось, и она впервые улыбнулась:

– Какое уж там брезговать! Приму с благодарностью. А ты, Катюша, будешь?

Девушка отрицательно покачала головой и прилегла на плече матери.

– Кусок в горло не лезет.

Вдова бросила на дочь тревожный взгляд, но ничего не ответила, а только приобняла за плечи.

Не успели путники сгрызть и по сухарю, как Захар заметил между ветвей мелькающую светлую рубаху Григория и замахал ему руками. Неутомимый паломник подбежал весь взмокший, но довольный. Он поспешил поделиться новостями:

– Недалеко мы от одной деревушки, нужно только влево еще забрать и к сумеркам доберемся! Деревня зырянская, но все остальные дальше будут.

– Ну, быстрее дойдем – быстрее отдохнем, – поднимаясь, заявил Дмитрий.

За странником неохотно последовал Захар, чувствуя, что ноги не желают слушаться своего хозяина. Вдова с дочерью тоже поднялись. Но девушка не успела далеко уйти. Тихо застонав, она опустилась на колени и согнулась почти пополам от боли.

Подскочивший к упавшей Захар различил, как она шепчет сквозь сжатые зубы:

– Только не сейчас! Только не сейчас!

– Что с ней такое? – в изумлении обратился он к вдове.

– Да коли бы сама знала! – резко ответила та, одарив ямщика неприязненным взглядом. – С двенадцати лет мучается, а доктора только руками разводят. Дескать, пройдет, может быть, потом... С возрастом. Что, думаешь, я в этот монастырь ее повезла? К мощам святого Симеона прикоснуться, чтобы исцелил он своей силой! Но видать, плохо молились да слабо верили...

Она продолжала гладить дочь по напряженной спине и шептать ей ласковые слова, когда подошел Григорий. Он опустился на колени рядом и осторожно предложил:

– Позволь мне, матушка. Я боль умею снимать и кровь останавливать.

– Только знахарей мне еще не хватало! – оттолкнула его Башмакова. – И не приближайся к ней со своим шарлатанством! С божьей помощью без тебя справимся!

Распутин тут же отошел от разбушевавшейся вдовы, сверкнув напоследок своими странными глазами, а Дмитрий веско произнес:

– Не обманщик Гришка. У него дар есть.

Башмакова смерила обоих паломников презрительным взглядом:

– Дар? Даже если и есть, то кто знает, от кого он этот дар получил.

Но тут, чуть приподнявшись на руках, голос подала сама больная:

– Дорога на деревню далеко ли будет? По ней-то я уж как-нибудь дойду.

– Не больше версты отсюда, – тут же ответил Распутин, внимательно всматриваясь в бледное лицо девушки.

– Понесите меня немного, сколько сможете, а там я, может, и сама, – обратилась Катерина к Захару.

Тот смог только молча кивнуть, понимая, что далеко он с ней не уйдет.

* * *

Поначалу мать не отходила ни на шаг от дочери, скрючившейся на руках у тяжело дышащего Захара, но потом вроде бы успокоилась и поспешила вперед – искать обещанную Григорием дорогу. Сам Распутин, похоже, обиделся и теперь то уходил в сторону, то снова возвращался.

Когда вдова оказалась достаточно далеко, чтобы не слышать разговора, Катерина разлепила пересохшие губы и обратилась к Захару:

– Что там этот Печеркин говорил про дар? Пусть расскажет.

– Да что рассказывать-то? – У странника оказался хороший слух. – Вот сегодня, если бы не Гришка, поймали бы нас душегубы окаянные. Мы же шли, никого не видали. Вдруг он мне: «Беду чую!» Ну я-то уже ученый – сразу в кусты. Сколько раз уже так от беды уходили!

– А боль он и правда снимает? Как знахарь? – взволнованно задала девушка самый важный для нее вопрос.

– Да какой же он знахарь! – обиделся Дмитрий. – Я с ним по святым местам уже третий раз отправляюсь. Православные мы и не хуже твоей матушки!

– Не сердись. Я-то тебе верю, а мама, она... боится.

– Боится она! – продолжал бурчать странник. – Я вот сегодня человека убил, и мне бояться куда больше пристало. Теперь всю жизнь отмаливать буду. Не старался ведь – думал – давно не стрелял, промахнусь. Ан нет! Как подкосил ирода проклятого...

Захар чувствовал, что еще немного, и он сам свалится не хуже Катерины. Чтобы не уронить свою ношу, он вынужден был остановиться.

– Дорога впереди! Уже видно! – донесся до ямщика радостный голос вдовы.

– Ну, теперь уж не заплутаем! – с облегчением пробормотал Печеркин.

В лес прокрадывались сумерки, и, если бы не дорога, через пару часов они бы не смогли двигаться вперед, не рискуя переломать ноги. Кажется, сегодня у Захара и его новых знакомых был день, в который им постоянно везло.

Глава 2

Такого кошмарного дня в жизни Анастасии Башмаковой еще не было! Наконец-то он подходил к концу!

В стущающихся сумерках впереди виднелся просвет – лесная дорога выходила на открытое пространство. Оставалось уже совсем немного, но каждый шаг давался вдове с огромным трудом. Ноги казались неподъемными гирями, и движения отдавались резкой болью.

Но это было не самое главное. Хуже всего, что Катерине снова стало плохо, и это случилось так далеко от врачей и какой-либо цивилизации! Когда путники выбрались на долгожданную дорогу, Катерина пошла сама. Ее поддерживала мать, одной рукой обнимая за хрупкую девичью талию. Последнюю часть пути Башмакова-старшая читала молитвы, все, какие помнила. Слова задавали ритм и успокаивали.

Но когда за очередным поворотом деревня не показалась, она сдалась и согласилась на помощь молодого ямщика. Теперь уже он поддерживал бледную Катерину и, на взгляд ее матери, делал это не слишком почтительно.

Офицерской вдове вообще совершенно не нравилась та компания, в которой она оказалась. Анастасия Леонтьевна, конечно, не стала бы спорить с тем, что все эти люди проявили сегодня изрядную смелость, но старались они прежде всего ради самих себя.

Вот этот молодой усатый ямщик, кажется, был в восторге от происходящего. Показать свою удаль перед молоденькой барышней – вот что для него было главным. Настоящий авантюрист.

Паломники ей тоже доверия не внушали. Что можно сказать о людях, которые отказываются от дома и дела, даже если делают они это ради светлой цели постижения бога? Прежде всего такое поведение говорит о безответственности и лени.

– Ну, вот и пришли, – объявил Печеркин, указывая на группу домов, выстроившуюся по берегу небольшой речушки.

– О господи! Наконец-то! – вырвалось у совершенно замученной Катерины.

Деревушка была небольшая, но опрятная – наличники окон и ворота некоторых изб покрывала искусная резьба. Удивили Башмакову только полное безлюдье и тишина.

– Где все? – невольно понижая голос, спросила Катерина.

– В поле, видать. Солнце-то еще не зашло, – также тихо пояснил Захар.

Путники подошли уже совсем близко и двинулись вдоль ряда деревенских построек в надежде, что к ним кто-нибудь выйдет. В центре деревушки возвышался самый богатый дом с окрашенными воротами, и опытные паломники сразу направились к нему, признав обиталище старейшины.

Калитка была приоткрыта, но подошедший к ней Дмитрий тут же отскочил в сторону. Из-за ворот выбежал здоровенный пес и глухо, угрожающе зарычал. Услышавшие его деревенские сородичи с других дворов тут же подали голоса, и вся деревня огласилась собачьим лаем.

– Почто сердисься, лохматый? – заговорил с псом Григорий. Он медленно пошел к калитке, протягивая вперед руки ладонями вверх. – Мы твоим зла не сделаем. Сам смотри.

Пес как будто расслабился и перестал скалиться и ворчать, однако с места своего не сошел и дорогу к калитке по-прежнему загораживал. «Тоже мне, чудодей выискался», – зло-радно порадовалась про себя Башмакова. Но тут на звук собачьего лая со двора осторожно выглянула какая-то женщина в платке.

Увидев всю разношерстную и живописную компанию, стоящую у нее под окнами, баба всплеснула руками и с криком метнулась назад:

– Прокл! Проклушка, что делается!

Пока за воротами о чем-то спорили, осматривавшаяся по сторонам Катерина заметила небольшой, одиноко стоящий сарайчик с ржавым замком на двери. У него имелось маленькое крылечко, на которое и присела измученная девушка.

Наконец из-за ворот вышел совершенно седой старик с ружьем на изготовку. Обозрев цепким взглядом открывшуюся ему картину, он опустил ружье и потрепал пса по загривку.

– Что за беду мыкаете? – спросил он с нескрываемым любопытством.

Не успели путники ответить, как из калитки за спиной Прокла стали высыпать его домо-чадцы. Тут были женщины разных возрастов и дети. У вдовицы зарябило в глазах – зырянские женщины одевались вовсе не так, как русские. Их широкие юбки и короткие курточки были красных, желтых и малиновых тонов, да еще и с мелкими узорами – вышивками.

Пока мужчины наперебой разъясняли старейшине, что с ними приключилось и кто они такие, Анастасия Леонтьевна обратилась к одной из старших женщин. Она надеялась получить помощь как можно быстрее.

– Моя дочь хворает, ей нужна теплая вода. Много теплой воды или баня.

Женщина захлопала глазами от изумления и ужаса, что к ней обратилась чужачка, и в ответ залопотала на совершенно незнакомом Башмаковой языке.

– Она по-русски плохо понимает, – прервав разговор с мужчинами, обратился к ней седовласый Прокл. – Если тебе чего нужно, меня спрашивай. Без меня все равно ничего не делают. Я войд, старейшина, по-вашему.

– Хорошо, – старательно сдерживая раздражение на этого чванливого старикашку, буркнула Башмакова. – Тогда не могли бы вы...

– Не твоя ли дочка у клетки сидит? – бесцеремонно прервал ее старейшина.

– Она очень устала и еще болезнь...

– Растопи баню для девочки, – обратился Прокл к миловидной зырянке в странной вышитой повязке на голове. – Да и остальным она пригодится. Можжевельника добавь!

Женщина молча скрылась во дворе, прихватив с собой нескольких подростков. Про вежливость здесь, похоже, никто даже не слышал.

Анастасия Леонтьевна помогла подняться дочери и последовала за зырянской женщиной мимо притихшего пса.

* * *

Через пару часов Катюша уже лежала чистая и укутанная одеялами в широкой горнице Прокловой избы. К животу она прижимала кринку с теплой водой, а глаза ее слипались. От остальной части избы их отделяла только занавеска. В горнице, кроме лавок, были стол, печь и иконы в красном углу. Под иконами вдовица успела рассмотреть какие-то примитивно сделанные фигурки животных. Подобные украшения показались ей странными в священном месте.

Усталая мать сидела возле лавки, на которой уложили девушку, и с ужасом смотрела на свои отчищенные от грязи ботиночки на каблуках.

Отмывая в бане свои ноги и ноги дочери, вдова не переставала ужасаться. Захар оказался прав – модная городская обувь привела нежные барские ножки в ужасное состояние. Мысль о том, чтобы снова надеть эти пыточные сапожки, приводила Башмакову в ужас.

– Хороши! – поцокала языком молодуха в повязке, которую, как теперь знала вдова, звали Аграфеной. Она поставила на стол кринку со странным местным напитком – свекольным квасом, который припасла для гостей.

– Хочешь их? – осененная внезапной догадкой, обрадовалась Башмакова.

Аграфена смутилась и недоверчиво покосилась на вдову.

– Шутите, барыня? В таких только на великие праздники ходить...

– Коли хочешь, могу обменять на то, что у тебя есть. И Катюшкины обменяю. Только у нее ножка поменьше.

– Ох, барыня! Ну, как знаете! Сейчас принесу вам.

Аграфена вернулась почти бегом, неся в руках низкие грубые ботинки на плоской подошве с длинной подвязкой. Вдова узнала упрощенный вариант котов, в которых расхаживала ее служанка Палаша, царствие ей небесное!

Она осторожно опустила ногу в непривычную обувь и с облегчением улыбнулась. Это было то, что нужно.

– Угодила я тебе, барыня? – засмеялась Аграфена. – Могу забирать твои?

– Забирай, забирай. На удачу тебе.

Молодуха подхватила модные ботиночки и, не переставая улыбаться такой же блаженной, как у вдовы, улыбкой, скрылась за занавеской.

Анастасия Леонтьевна собиралась дожидаться, когда дочь окончательно заснет, и потом уже улечься самой. После того как Аграфена ушла, бороться со сном стало совсем сложно. Неожиданную помощь ей тут оказал Захар.

Ямщик только что вернулся из бани, куда мужчины отправились после женщин. Об этом говорили его потемневшие от воды волосы и разрумянившиеся щеки. Он бесцеремонно заглянул за занавеску и шепотом спросил, кивнув на девушку:

– Спит? Лучше ей?

– Лучше, – коротко ответила вдова, скептически оглядывая молодого человека.

Сразу видать – девкам должен нравиться: в плечах широк, лицом чист и даже глаза, кажется, голубые. А бедной Катюше он вовсе явился в дымке сражения и чуть ли не спасителем. Ну и что сделаешь с такой романтикой? Оставалось надеяться, что вскоре она его тоже разглядит получше...

– Скажи-ка, Захар, а что это ты в Казань подался, да еще и пешком? – нанесла давно намеченный удар вдовица.

Ямщик нахмурился и тяжело вздохнул. Насмешки, скрытой в вопросе, он, похоже, не заметил.

– Так все прогресс проклятый виноват!

Никак не ожидавшая такого ответа Башмакова даже рот приоткрыла. А ямщик, похоже, давно желавший высказаться по этому поводу, начал свой рассказ.

Оказалось, что все дело было в строительстве новой сибирской железной дороги, прошедшей через Тюмень. Тобольск, до того бывший центром не только всей сибирской торговли, но и местом обитания властей, начал терять свое влияние. И, что самое печальное для ямщиков, стал он терять купцов, торговцев, то есть клиентов. Проживший всю жизнь в Тобольске отец Захара разорился под конец жизни, и сыну осталось только распродать имущество и пуститься в путь.

Выслушав всю эту неожиданную исповедь, вдовица немного смягчилась к ямщику, но лишь самую малость.

– Ох, заболтался совсем! Я же вас позвать к ужину хотел! Хозяева стол накрыли и всех звали.

Анастасия Леонтьевна взглянула на дочь. Та уже уснула.

– Ты иди, я потом, – махнула она Захару.

Есть ей совершенно не хотелось – сказалось нервное напряжение, но перед сном нужно было выбраться на улицу и отыскать отхожее место. Старательно привязав к ногам новую обувь, вдова отдернула занавеску.

Теперь дом был полон людей – похоже, что мужики вернулись с поля и толклись в избе в ожидании вечерней трапезы. Вдовица отвечала на приветливые поклоны и здравницы незнакомых людей и пробиралась к выходу.

В вечерних сумерках разливался запах какого-то печева, но мысль о еде по-прежнему не вызывала у вдовы восторга. На крыльце она чуть было не запнулась о кого-то, сидящего на ступеньках. Приглядевшись к полумраку, Башмакова рассмотрела нескольких детей, слушавших рассказ Прокла, которого легко было узнать по серебристой шевелюре. Проходя мимо, Башмакова невольно прислушалась:

– ...и вот плыл святой Стефан по реке Мезени, а там на берегу жил как раз тун по имени Мелейка. И увидел Стефан, что этот тун гонит сусло для пива. Тогда приказал святой суслу не вариться, и оно перестало. Разозлился Мелейка и в ответ произнес заклинание, чтобы вода в реке прекратила течь. Тогда лодка Стефана остановилась посреди реки. Долго они пробирались через реку, но пришлось святому позволить суслу бежать, только тогда он смог причалить к берегу. Там набросился на него Мелейка со своим колдовством, но Стефан был неуязвим для его чар. Испугался тогда тун, остудил сусло в котле и спрятался в нем, но святой приказал огню снова гореть...

Вдова изумленно хлопала глазами, слушая эти истории о бесконечной битве между православным святым и местным колдуном, в которых разница между противниками заключалась лишь в силе колдовских чар. Она вглядывалась в спокойное морщинистое лицо рассказчика и во взволнованные мордашки детей, пытаясь понять, какое отношение все это имеет к православному христианству, которое они все тут вроде бы исповедуют.

Помотав головой, вдова заставила себя отвернуться и направиться по своим делам. В конце концов, не вмешиваться же ей в воспитание местных детей!

В дальнем углу двора Башмакова заметила какую-то маленькую постройку необычной формы. Подойдя поближе, она в нерешительности остановилась.

Домик был слишком велик для отхожего места, но слишком мал для хозяйственной постройки. На крыше у него имелось какое-то навершие в виде упрощенного креста. Она уже было протянула руку, чтобы открыть дверь и заглянуть внутрь, но тут же отдернула. Ей показалось, что внутри что-то движется. Вдова замерла на месте, вслушиваясь, и, когда уже решила, что ей показалось, шорох повторился. Что-то крупное, не меньше собаки, пробежало по полу за стеной клетушки. Справившись с первым приступом паники, Башмакова снова протянула руку к щеколде.

– Куда собралась, барыня?

Анастасия Леонтьевна обернулась и уперлась во внимательный взгляд Прокла.

– На задний двор вон по той тропинке ступай, – указал в сторону старейшина.

Смущенная странным происшествием, вдовица беспомощно покивала и поспешно пошла прочь от таинственного домика.

* * *

Несмотря на все вечерние происшествия, вдова уснула мгновенно: ни жесткая лавка, ни присутствие в одной горнице сразу нескольких незнакомых людей ей не помешали.

Проснулась она только в полдень, когда все домочадцы уже покинули избу, отправившись по своим делам. Катюша тоже открыла глаза. Ее щеки немного порозовели, и девушка казалась отдохнувшей.

– Как ты, милая? Болит?

– Уже лучше, мама, – слабо улыбнулась Катерина. – Ты мне еще теплой водички принеси. Я немного полежу и, может быть, встану.

Вдова поднялась и, прихватив в сенях ведро, отправилась в баню в надежде, что там еще осталась теплая вода. Выйдя на крыльцо, она окинула взглядом раскинувшуюся перед ней мирную картину. Воспоминания о пережитом вчера ужасе сейчас казались каким-то сном. С

другой стороны, само ее присутствие в деревне зырян говорило о том, что вчерашние разбойники ей не привиделись.

Спустившись с крыльца, Башмакова заметила сидящего на завалинке странника Дмитрия. Сегодня даже он казался вдове более приветливым, чем вчера.

На траве у ног странника лежала куча разных инструментов, а в руках он держал лезвие косы и точил его сильными размеренными движениями. Печеркин ответил на приветствие вдовы, не отрываясь от своего занятия.

– Мне бы нужно поговорить со старейшиной. Ты его не видел? – спросила она.

– Со двора он вышел, – в своей обычной манере буркнул Дмитрий. – Только мы с мужиками уже с ним поговорили... Сегодня еще ночь тут переночуем, а завтра у Прокла зять в соседнюю деревню воз повезет. Вот твою Катерину посадим к нему и сами рядышком поспешим. А сегодня пушай отдыхает.

– Когда ж вы все успеваете? – хмыкнула Башмакова, недовольная тем, что дело решили без ее участия.

– Да пока вы, барыни, нежились с утра, мы уж не только поговорили – вот хозяевам долг отдаем, как можем, – с этими словами Печеркин в очередной раз провел точилом по блестящему лезвию.

– Не чужим людям нужно долги раздавать, а о своей семье заботиться! Шляться по городам и весям – не велика заслуга.

Дмитрий отложил засверкавшую косу и взялся за мотыгу.

– Ты, барыня, не суди о том, чего не ведаешь. Знаешь ли, что людей в дорогу гонит?

– Так скажи!

– Я сам еще с юности странничать начал, когда сиротой только остался. Одному на белом свете тяжело было, вот и пошел искать помощи в святых местах. А уж потом, как вернулся, долго дома усидеть не мог. Попривык к такой жизни.

– Все вы на беды свои пеняете да врага рода человеческого вините!

– А ты чего ж молчишь, а на бога и его несправедливости втихаря злишься? Терпишь молча. Думаешь, так лучше, чем сетовать?

Пораженная его наглостью, вдова Башмакова не сразу смогла придумать ответ, а Печеркин продолжил:

– Вот ты на всех и огрызаешься, так как на бога не смеешь. Что мы с Гришкой и этим ямщиком тебе дурного сделали? Только помогали, а ты все язвишь нас, будто врагов.

– Да кто ты такой, чтобы позволять себе такие речи!? – наконец прервала этот поток вдовица и, громыхнув ведром, пошла прочь.

Вот что бывает, когда человек не знает, что такое ответственность! Бояться ему за себя и за других не нужно, вот он и говорит все, что вздумается. Разозленная Башмакова свернула на другую тропинку, не понимая толком, куда идет, и, как назло, натолкнулась на Захара.

Он, закатав по локоть рукава отстиранной косоворотки, рубил дрова – отдавал долг хозяевам, как это называл Дмитрий. Парочка ребятишек вертелась тут же. Они занимались тем, что относили нарубленное в дровяник.

Башмаковой не хотелось с ямщиком даже здороваться, так ее задели слова странника, но Захар, увидев ее, заулыбался:

– Есть еще вода, заходите! Что-то вы смурная. Не заболели?

Вдовица решила воспользоваться доверчивостью молодого человека и расспросить его о паломниках. В конце концов, она о них почти ничего не знала. А тому, что они сами говорили, верила не вполне.

– А вот скажи-ка мне, Захар, как наши паломники от разбойников-то ушли, после того как мы в овраг убежали?

– Они вот что сказывали, – охотно начал Захар, устанавливая полено на колоду. – Ружья разбойничьи они в ручье утопили, а главаря их с собой потащили, на всякий случай. Правда, тяжело с ним было, и быстро бросили его в лесу. Только руки связали, а сами дали тягу.

– А как же старичок, который с кучером был?

– Пришибли его разбойнички, как только ваша лошадь понесла. Чтоб не сбежал.

Вдова опустила голову. Все-таки она и правда до конца не могла поверить в случившееся. И только понапрасну срывала свой страх и злобу на спутниках.

По-своему истолковав молчание барыни, Захар предложил:

– Вроде бы у них тут часовенка есть, можно свечку поставить сходить. Здешные туда вчера после моления ходили.

– Какого моления?

– Так вчера же Прокл сказывал – у них был день моления. Потому никого в деревне и не видно было. Все в рощу ходили священным деревьям поклониться и об урожай добром просить. А завтра еще и жертвы своим домовым приносить будут. Не помню, как они у них тут называются, но вроде наших домовых.

– Жертвы? – понизила голос Башмакова, оглядываясь по сторонам. Теперь и сама деревня, и снующие вокруг зырянские женщины и дети уже не казались ей такими умиротворяющими. Уйти бы отсюда прямо сегодня, да из-за Катюши нельзя!

Бесчувственного Захара эти полуязыческие верования совершенно не волновали, но паломники-то каковы! Божьи странники с радостью помогали этим язычникам!

Выполнив наконец просьбу дочери и оставив ее отлеживаться, вдова снова выбралась на двор. Теперь ее как магнитом притягивало к странному амбару.

При свете дня он выглядел совсем непримечательно, разве стало заметно, что к нему не ведет ни одна тропинка, – внутрь заходили редко. Подходить слишком близко она не решилась, но осмотрела постройку со всех сторон. Она была без окон с одной дверью и маленьким крылечком.

Ее интерес не прошел незамеченным – бабы поглядывали на гостью с явным подозрением, и офицерская вдова поспешно сделала вид, что направляется к реке.

* * *

Ближе к вечеру Катерина почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы выйти во двор. К ней возвращались силы, а к ее матери хорошее расположение духа. Уже завтра они покинут это странное место и отправятся дальше на запад.

В поясе платья вдовы были зашиты несколько крупных ассигнаций, и в первом же уездном городке она надеялась снять карету или повозку до самой Казани.

Наблюдая издали за тем, как Катерина болтает с Захаром, она только качала головой. Бедная девочка так рада, что хворь отступила! Она совсем перестала опасаться или смущаться своего нового попутчика. Это не слишком хорошо для нее...

Башмакова решила было подойти и вмешаться, но на середине дороги остановилась.

Из маленького амбара снова раздались непонятные звуки. На этот раз казалось, что внутри что-то глухо позвякивает. Этот странный сарайчик будто приглашал ее разгадать его тайну.

Вдова не удержалась и, внимательно прислушиваясь, подошла ближе. Тишина длилась недолго. Снова что-то зазвенело, а потом прошуршало.

Заинтригованная и немного испуганная вдова решительно взялась за щеколду. Чуть приоткрыв дверь, она заглянула внутрь. Но царившая там темнота не позволяла ничего рассмотреть. Тогда любопытная вдова приоткрыла дверь еще шире и в следующее мгновение была

сбита с ног выскочившим на свободу белоснежным барашком. Тот с радостным блеянием помчался к воротам.

А плюхнувшись на землю барыня сумела наконец увидеть то, что находилось внутри амбара.

В центре стоял высокий чурбан, на котором, как ей показалось, сидела небольшая кукла. Она была одета в многочисленные мужские рубахи, а на месте головы торчали оперения стрел. По стенам висели и стояли фигурки разных животных и птиц, отлитые из железа и бронзы. Все это венчало деревянное крашеное распятие, висящее под потолком.

Пока Башмакова беспомощно таращилась на открывшееся ей святилище, на шум выбежали зырянские женщины и увидели распахнутую настежь дверь амбара и сбежавшего жертвенного барашка. Картина произошедшего привела их в не меньший ужас, чем вдове вид святилища.

Дверь тут же снова захлопнули и всем двором принялись ловить верткого барашка. На крики и беготню начали сходить зыряне из соседних дворов – собиралась толпа. Однако, когда барашек был пойман и суматоха улеглась, они не разошлись. Кто-то побежал за Проклом.

Вдова заметила, что на нее теперь смотрят неприязненно и стараются обходить издали. Окончательно поняв, что люди расходиться не будут, Башмакова почувствовала первый укол страха.

Женщины встали плотным кольцом вокруг дома, будто преграждая вход туда недавней гостье, а дети возбужденно перешептывались. Вдове захотелось куда-нибудь спрятаться, когда она оказалась одна напротив этой толпы.

Положение немного улучшили ее спутники, подошедшие вместе с Катериной. Они встали рядом, и Анастасия Леонтьевна опустила глаза, чувствуя облегчение и стыд одновременно.

Наконец появился Прокл и, выслушав короткий рассказ Аграфены, быстро решил:

– Ты вела себя непочтительно, барыня. Тебе и твоей родне нельзя теперь оставаться у нас. Старик-ош не простит вам оскорбления. Пусть девушки соберут их вещи, – приказал он Аграфене.

Затем, подойдя к мужчинам, он продолжил уже тише:

– Вы можете остаться, если хотите. Я бы и баб ваших оставил, но люди видят в произошедшем дурной знак. Обычай держать жертвенное животное три дня в доме старика-оша был нарушен. Жертва может стать непригодной, если оскорбление не загладить.

– Что ж ты будешь делать, чтобы оскорбление загладить, мил-человек? – с неподдельным интересом спросил Григорий.

– Лучше вам с этими бабами больше не идти одной дорогой. Наш тун свое дело хорошо знает...

– Я никуда от вас не отойду! – не колеблясь, заявил Захар.

Паломники, ничего друг другу не сказав, переглянулись. Дмитрий начал разворачивать закатанные рукава косоворотки, а Григорий отряхнул пыль со штанов.

– Ну, как знаете. Припасов вам сейчас соберут, – пожал плечами Прокл.

– Да что вы, ей-богу! – Башмакова все же чувствовала себя виноватой за случившееся. – Может, останетесь?

– Я бы остался, если бы совесть потом не замучила, – ответил Печеркин.

Вдова осторожно покосилась на второго паломника, не особенно ожидая от него ответа, и наткнулась на пронизывающий взгляд светло-серых ледышек, поблескивающих весельем.

– Охота посмотреть, что такое нынче туны умеют. А то как сказки это все? Разузнать бы...

– Ты, я смотрю, в святые Стефаны метишь? – не смогла удержаться от колкости вдовица и тут же прикусила себе язык. Но паломник ничуть не смутился.

– Куда мне! – махнул рукой Григорий и лукаво улыбнулся в бороду.

Похоже, он уже не держал на Башмакову обиды. Однако это ее не успокоило, а, наоборот, пугало. Что-то в его улыбке заставило ее поверить в то, что паломник знает о ней больше ее самой. И как тобольскому крестьянину удалось заставить так волноваться вдову кадрового офицера, привыкшую к разговорам с военными больше, чем к беседам в кругу дам?

Глава 3

В дорогу вышли еще засветло и поначалу двигались бодро, не обращая внимания на неприятный колючий ветер. Захар с полной котомкой припасов за плечами оказался, как и раньше, последним. Но на этот раз все было иначе – не нужно бежать от преследования, и сам поход больше походил на прогулку.

Погода по-прежнему благоприятствовала путешествию, и только старшая барыня выглядела понурой и озабоченной.

– Бросьте переживать из-за обычаев этих зырянских! – не выдержал наконец Захар. – Вы что, в своей жизни старообрядцев не встречали? У нас вот одно семейство жило...

– Старообрядцы – совсем не то! – разозлилась на него Башмакова. – Они хоть одному с нами богу поклоняются!

– У этих тоже распятие было, – не унимался Захар. – А вы, богомольцы, чего думаете?

После короткого молчания на вопрос ответил Григорий:

– Много разных народов, и все умные в своем духе, но веры во всех мало, и любви нет... Про староверов знаю только, что мало у них радости в служении, а без радости какая же вера да любовь?

Захар и Катерина с интересом воззрились на паломника, ожидая продолжения, однако его не последовало. Вдова же этой речи значения не придавала и пропустила ее мимо ушей.

– Куда смотрят власти?! Такого не должно быть в нашей империи! Это возмутительно и позорно, особенно для местных священников! – бушевала она.

– Так они все, поди, тут и родились, и выросли! – возразил Захар. – Если не в этой деревне, так в следующей, в которую мы идем.

Дамы на мгновение замерли, пораженные этой простой мыслью.

– А мы не можем как-то обойти такую деревню? – осторожно спросила Катерина у паломников, испуганно поглядывая на мать.

Мужики переглянулись, и Дмитрий неохотно ответил:

– Можно крюк сделать и ближайшую деревню стороной обойти. Тогда на следующую ночь уже доберемся до скита старца Макария. Мы у него бывали уж – примет гостей с радостью.

– А как же сегодня ночевать будем? В лесу? – широко раскрыла глаза Катерина.

– Не пужайся, милая, найдем хорошее место. Чтобы тихо было и все небо на тебя смотрело, – заверил ее Григорий и остановился посреди дороги.

Путники прошли немного дальше и тоже остановились, оглядываясь на Распутина. Тот занялся странным делом – носком своего правого сапога он старательно заметал следы, оставленные на дороге путниками. Стерев следы на небольшом участке дороги, он спокойно вернулся к остальным.

– Зачем это ты? – высказал свое удивление ямщик. – Все равно же видно, куда мы пошли!

– Да так, на всякий случай, – отмахнулся Григорий. – Говорят, местные туны ловко умеют порчу на след напускать. Может, брешут, конечно, но будь я один – сошел бы с дороги и не вспоминал о нем.

Вдова Башмакова презрительно хмыкнула, а Захар широко улыбнулся – что со странников божьих взять!

– Нам ночлег поискать пора, – задумчиво поскреб бороду Дмитрий, выразительно поглядывая на Захара и Григория.

Отдав Печеркину свои пожитки, они отправились на ближайший холм – осмотреть местность. Лес вокруг был хороший – сосновый, а пока лезли в гору, Захар усмотрел множество кустов шиповника, усыпанных сейчас яркими красными и розовыми цветами.

На холме дул нешуточный ветер, и ямщик поежился, поднимая ворот своего кафтана.

– Холодает, – пробормотал он. – Хоть бы ветер перестал!

– Ох, не проси! – погрозил ему пальцем Григорий. – Если б не ветер, нас тут комары бы съели!

Место для ночлега они вскоре присмотрели – недалеко от ручья, за большим замшелым камнем, прикрывающим от ветра. К тому времени солнце уже коснулось горизонта, а нужно было еще собрать хворост и развести костер. Поужинав на скорую руку, путники устроились на ночлег.

Дмитрий и Захар натаскали подстилок из колючих веток, Григорий развел огонь и уселся возле, говоря, что последит.

– Разбуди – сменю тебя, – попросил Захар, устраиваясь на своей подстилке.

– Да ни к чему. Не усну я сегодня, – покачал головой паломник.

– Совсем? – сонно удивился ямщик.

– Это у меня лет с пятнадцати беда, – вздохнул Григорий. – Как весна в силу входит, нет мне покоя ночью. Неделями, бывало, глаз не смыкал. Киевские монахи мне помогли, но все одно – иногда бывает...

Слушая его низкий голос, Захар быстро проваливался в сон. Он еще успел порадоваться, что ветер не стих и комары ему не грозят.

* * *

Пробуждение оказалось неприятным. Открыв глаза, Захар обнаружил, что по-прежнему темно да еще и гораздо холоднее. Костер слабо тлел, но не погас – Григорий, как и говорил, не уснул.

Вырвавший Захара из объятий сна отдаленный волчий вой повторился. Неприятный холодок страха пробежал по спине ямщика. Он начал вспоминать, куда положил вечером трофейный палаш. Тот оказался рядом, под еловыми ветками.

Захар теперь знал, что у Распутина есть длинный нож, а у Печеркина – топорик, которым он рубил вчера хворост. Ружье странник продал в деревне, не пожелав взять непотребную для него вещь. А сейчас бы она ой как пригодилась!

Захар приподнялся на руках, с тревогой всматриваясь в ночь.

– Не бойся, волки редко сами на людей нападают, – шепнул ему тоже проснувшийся Дмитрий.

Григорий подбросил в костер еще одну ветку, и вспыхнувший огонь на мгновение осветил его лицо. Черты паломника будто заострились, а прищуренные глаза отсвечивали сталью. Захар невольно вздрогнул.

– Эти нападут, – уверенно заявил Распутин. – Зря мы с дороги не ушли.

Как будто в ответ, низкий и протяжный вой раздался чуть ближе и с другой стороны. Захар схватился за палаш и испуганно огляделся.

Место, которое они выбрали для ночлега, представляло собой ложбину у подножия одинокого камня. Вокруг небольшой поляны плотным кольцом росли сосны. Их темные силуэты колыхались на фоне предутреннего синего неба, на котором холодно мерцали звезды. На мгновение Захар почувствовал, насколько они сейчас далеки от других людей и как малы по сравнению с этим огромным лесом. Но развиться эта мысль не успела – теперь начали просыпаться женщины.

– Это волки? – первой спросила Катерина, садясь на своей еловой подстилке.

– Господи боже! Только этого нам не хватало! – воскликнула ее мать, подскочив как ужаленная.

Ямщик постарался не ударить лицом в грязь, сразу же предложив свой план действий:

– Подсадим вас на дерево, а сами как-нибудь разберемся.

Однако у плана тут же обнаружился существенный недостаток. Из деревьев вокруг были одни сосны. На них не забраться, даже если подсаживать, – первые крепкие ветки у них начинаются ближе к кроне.

Единственным относительно безопасным местом был огромный камень. По крайней мере, на него не так-то просто было забраться зверю. С помощью мужчин барыням удалось влезть на вершину этой «крепости», которую предстояло защищать паломникам и ямщику.

Распутин положил в костер несколько коротких и толстых веток так, что можно было, не обжигаясь, их выхватить. К этому моменту вой уже затих.

– Они, когда подходят близко к добыче, замолкают, – шепотом пояснил Дмитрий. – А на тех, кого почитают опасными для себя, нападают со спины. Так что держите ухо востро! Нам бы их вожака узнать – если его завалим, остальные отступят на время. А тут уже и рассвет недалеко...

– Да забрались бы к нам сюда и переждали! – громким шепотом позвала вдова, удивляясь мужичьей непонятливости.

– Нехорошо выйдет, матушка, – покачал темноволосой головой Григорий. – Звери, они чувствуют, когда от них спасаются и боятся. Могут засесть вокруг и измором брать.

– Во-во, – подтвердил Дмитрий. – Если, к примеру, лось от них удирает, они за ним гонятся, пока не завалят. А если встанет да к драке изготавится, волки и уйти могут, если их немного в стае.

– Вот разбойники серые! – удивился не знавший таких хитростей Захар.

Между тем вокруг было по-прежнему тихо, небо постепенно светлело – до рассвета оставалось всего несколько часов. Может быть, охота серых хищников шла на какого-нибудь оленя, а вовсе не на них? Мало ли что могло почудиться этому Григорию...

Женщины кое-как пристроились на камне и, кажется, задремали. Взглянув на то, как они зябко жмутся друг к другу, Захар хотел уже было снять свой кафтан и отдать им. Но пока он думал, как бы это сделать, не разбудив обеих барынь, появились волки.

Нападение было бесшумным, и Захар не успел к нему подготовиться. Как оказалось впоследствии, приготовиться не удалось никому.

Смутная серая тень прыгнула на ямщика сбоку, из-за границы поля зрения. Захар только и успел махнуть в ее сторону палашом. По счастью, его движение было достаточно быстрым, чтобы слегка задеть зверя и отбить первую атаку.

Захар почувствовал, что его оружие не нанесло серьезной раны, скользнув по шерсти и лишь остановив прыжок. Зверь отскочил назад и, оскалив зубы, глухо зарычал. Ямщик замахнулся на него в надежде напугать.

Краем уха он слышал звуки борьбы откуда-то сбоку, но оглянуться не смел, чтобы не выпустить своего противника из поля зрения.

Вспомнив наконец о лежащих в кострище головнях, Захар медленно, боком двинулся в его сторону. Стоило ему немного переместиться, как стало видно, что в тени деревьев стоит еще один серый хищник и не спускает с Захара светящихся желто-зеленых глаз.

Только ухватив дымящуюся и разбрасывающую искры головню, ямщик позволил себе скосить глаза на остальных. Открывшаяся картина не обнадеживала.

От Печеркина с жалобным воем откатился волк, по которому тот ухитрился попасть своим топориком. Но и самому страннику досталось от серого – он лежал на земле, правый рукав его кафтана был разорван, и по нему расползлось темное пятно. Спасший его топорик он держал в левой руке.

На смену раненому зверю, убежавшему с поджатой лапой, из лесной тени вышли еще двое. Захар успел заметить светящиеся волчьи глаза, прежде чем их от него заслонила тень.

Это был Григорий. Он перешагнул через сидящего подняться Дмитрия и оказался между ним и волками.

И тут Захару пришлось отвлечься на собственных врагов, осмелевших от его невнимательности. Широко взмахнув головней, ямщик начал продвижение к камню, на котором затихли обомлевшие от страха женщины. Подхватив по дороге раненого Дмитрия, он потащил его с собой. Странник хорошо держался на ногах, но обороняться самостоятельно сейчас не мог.

Оставив Печеркина у замшелой каменной глыбы и всучив ему головню, Захар оглянулся на Григория.

Тот повел себя как-то странно. Из двух волков, скалящих на него зубы, он выбрал более крупного зверя с высоко поднятым хвостом и двинулся к нему. Сейчас он действовал совсем не так, как в деревне, когда успокаивал пса. Вся его фигура излучала угрозу и уверенность в собственной силе.

Распутин уже знакомым Захару стремительным движением опустился на корточки, оказавшись нос к носу с серой оскаленной мордой. Длинные волосы упали паломнику на лицо, и Захар, смотревший на него сбоку, больше не мог видеть его глаз.

Зверь вздыбил шерсть и еще больше обнажил клыки, но Захар заметил, что при этом его хвост дрогнул и тело подалось назад.

– Огня возьми! Огня возьми! – неожиданно подала голос Башмакова.

– Цыц, бабы! – шикнул на нее Печеркин.

Захар так же, как и он, чувствовал, что сейчас не время вмешиваться в происходящее. Однако, чтобы быть готовым ко всему, снова двинулся к костру. Оба «его» волка не двигались с места, кажется, ожидая исхода борьбы взглядов между их вожаком и странным человеком. Воспользовавшись этим, Захар ухватил еще одну головню и, услышав непонятный звук, оглянулся.

Странное низкое утробное урчание издавал волчий вожак. Он медленно отступал, а страшные клыки постепенно скрывались под опускающейся верхней губой. И тут, к собственному изумлению, Захар услышал ответное ворчание, которое, судя по всему, издал человек, сидящий напротив зверя. Вожак развернулся и быстро потрусил вслед за своей убегающей стаей.

Люди потрясенно молчали, а Григорий продолжал смотреть за удаляющимися волками.

– Ну и ну! Напугал так напугал! – не выдержал наступившей тишины Захар.

От звука его голоса Григорий вздрогнул всем телом и оглянулся. Захар был рад, что в этот момент за его спиной оказался надежный холодный камень, на который он наткнулся, отшатнувшись.

Григорий, впрочем, тут же опустил голову, проводя руками по лицу и растрепанным волосам. У Захара возникло ощущение, что с его шеи только что убрали невидимую руку, и он тревожно вздохнул.

Рядом завозился Печеркин, и ямщик впервые вспомнил о его ране. Кафтан странника был изодран, а рукав пропитан кровью. Рану нужно было промыть и перетянуть плечо. Пока Распутин приходил в себя, этим занялся Захар.

Женщины все еще не смели спуститься с безопасного камня, и ямщику пришлось просить Григория сходить за водой. Тот, не раздумывая, согласился, но, вручая ему фляжку, Захар заметил, что паломника бьет мелкая дрожь. Оставив странников с женщинами, молодой ямщик отправился за водой сам.

К рассвету все было сделано, кровь у Дмитрия остановилась, а тугая повязка из кушака Григория скрывала рану.

Женщины, на радость Захара, помалкивали, все еще находясь под впечатлением ночных событий. Самого его приставать с расспросами к раненому Печеркину и его измученному другу совершенно не тянуло. Что было спрашивать?

Захар знал, что он видел. Но объяснить, как все это происходило, все равно не смог бы. Было ли странное нападение волков вызвано колдовством зырянского туна или просто совпадением? Как удалось Григорию прогнать вожака стаи? Что за сила владела им или, может быть, он ей?

А если паломники и знали, что произошло, стоит ли верить их словам? Захар не знал ответов на эти вопросы и не думал, что кто-то сможет их найти.

– Сегодня тебе идти первым, – обратился к нему Дмитрий. Его перевязанная рука беспомощно болталась, а под слоем загара проступила болезненная бледность. – Мы с Гришкой постараемся не отстать. Нам по этой дороге, что ведет в гору и на северо-запад.

Захар расправил плечи и, забрав у Дмитрия его котомку, вышел вперед. То и дело оглядываясь на своих спутников, ямщик спешил вперед. В одном он не сомневался – в ските старца Макария ни волки, ни колдуны им страшны не будут.

* * *

Как объяснили Дмитрий и Григорий, отец Макарий жил на дальней заимке, относящейся к владениям Верхотурского монастыря. Поначалу он занимался там пастушеством, но и после принятия сана место это не покинул. Уединенная жизнь его вполне устраивала.

Окрестные жители довольно быстро признали в нем «старца», хоть сама церковь его никак и не отмечала. К Макарию стали ходить за советом и помощью, оставляя в благодарность еду или что-то из одежды. Слова и советы старца понять было непросто, но почитателей это не останавливало, и слава его ширилась.

Путь к старцу Макарию оказался не таким трудным, как ожидал Захар. Через несколько часов после полудня лес начал редеть и расступаться.

На широкой поляне на берегу озерца обнаружился небольшой деревянный домик. Вокруг стояла удивительная тишина – слышно было только непрерывное гудение насекомых. Захар и его спутники замедлили шаг, осматриваясь.

Из-за дома, неуклюже перевалившись через низкую изгородь, показался хозяин этого райского уголка и поспешил к гостям.

– Ох, ох, сколько вас! Ну, ничего, как-нибудь поместимся... Идите сюда, не робейте! – и он призывно замахал руками.

Путники нерешительно двинулись через поляну ему навстречу.

– Это и есть старец? – обращаясь к паломникам, выразила всеобщее удивление Катерина.

– Он самый и есть, – невозмутимо кивнул Дмитрий.

Женщины удивленно переглянулись, и Захар, как бы он ни был далек от религии, на этот раз их понимал. Старцев он представлял плохо, но уж точно не так! Они должны быть строгими, величественными, мудрыми, далекими и ну... старыми!

А этому невысокому мужичонке было от силы лет пятьдесят, и вид он имел более всего... смешной. Он как-то странно жестикулировал, косолапо ставил ноги и по-детски безмятежно улыбался.

– Отец Макарий, мы к тебе передохнуть да с силами собраться, – улыбаясь в ответ, обратился к нему Григорий и опустился на колени.

Старец заставил его подняться, что-то невнятно бормоча. Григорий по очереди представил всех незнакомых отшельнику гостей, и тот с интересом их рассматривал. Однако при виде руки Дмитрия улыбка слетела с его лица. Теперь Макарий заспешил в свой маленький домик.

Когда гостеприимный хозяин открыл дверь, Захар чуть было не отпрянул. Просторная комната с закрытыми окнами была заполнена обычными домашними курами. Их было много, и, похоже, они здесь и жили вместе с хозяином дома. Птицы взлетали, шумели крыльями и бегали по глинобитному полу.

Заметив смущение своих гостей, отец Макарий поспешил указать на еще одну дверь, за которой находилась «спальня» отшельника. Ее он охотно предоставил в полное распоряжение женщин.

Правда, кровати там не было – только солома, на которой и спал Макарий. Мужчинам он предложил сеновал, а сам готов был провести ночь со своими птицами.

Трапеза, которую смог приготовить старец, оказалась под стать всему его жилищу: немного каши, сваренной без молока, сухари и вода. Обедать гостям пришлось, сидя на крыльце, так как стульев у Макария тоже не оказалось в достаточном количестве.

Захара скудные харчи не слишком удивили и аппетит ему не испортили. Барыни хоть иковыряли кашу с подозрением, но, распробовав, съели всю. Григорий от ямщика не отставал, а вот Дмитрий поспешил побыстрее уйти на сеновал, откуда до вечера уже не выходил. Похоже, рана его беспокоила, хоть он ничего и не говорил.

До вечера еще было время, Захар решил воспользоваться им и постирать испачканную в крови Печеркина рубаху. Пятна были небольшие, но чем дольше их не трогать, тем труднее будет отстирать. Позаимствовав на вечер у радушного отца Макария его узенькую рубаху, Захар отправился к озеру.

Он еще издали заметил, что удобное место на сходнях уже занято. Там устроилась Катерина и старательно и неумело полоскала что-то в воде. Решив, что они вполне поместятся там вдвоем, Захар не стал останавливаться. Когда он ступил на сходни и доски жалобно скрипнули, девушка оглянулась и почему-то покраснела.

Ямщик опустил на противоположную сторону мостков и достал припасенный кусок мыла. От него не укрылось, что молодая барыня старается повернуться так, чтобы было не видно, что именно она полоскает. Захар усмехнулся про себя.

– Коли мыла нет, так могу дать, – небрежно бросил он, не глядя на Катерину.

– Вы бы очень мне помогли, – робко отозвалась девушка и протянула руку.

Захар осторожно положил скользкий обмылок в маленькую ладошку и краем глаза заметил, что в другой руке у девушки зажаты мокрые чулки. Эка невидаль! Что тут краснеть?

Так, передавая друг другу обмылок, они довольно быстро установили взаимопонимание, и Катерина наконец заговорила:

– Как вы думаете, Захар, опасно ли будет, если я попрошу этого Григория помочь мне с моей хворью? Может он мне навредить? Хотела спросить совета у старца, но теперь даже не знаю...

Молодой человек помолчал, собираясь с мыслями.

– Еще вчера я бы ответил, что не стоит вам идти против воли матери, а теперь и сам не знаю... Сами небось видели, что сила-то у него есть, а вот может ли он лечить, неизвестно, – Захар в задумчивости огладил усы. – Коли вам нужно, то могу поговорить с ним, разузнать чего.

– Разузнайте для меня, – обрадовалась его предложению Катерина. – Только маменьке не рассказывайте. Не стоит ей знать пока.

Захар бросил на свою собеседницу удивленный взгляд. Вот верно говорят, что в тихом омуте черти-то и водятся! Кто бы подумал, что она решит что-то втайне от матушки?

Теперь ему нужно было держать слово, и, повесив отстиранную рубаху на заборе, ямщик пошел на поиски Григория. Он обнаружился на сеновале и так же, как и его друг, мирно спал. А плел тут про бессонницу! Покачив головой, Захар сладко потянулся.

Появившиеся несколько часов назад тучки принесли с собой мелкий колючий дождь, и ямщик порадовался, что на эту ночь у них есть крыша над головой. Сразу похолодало, и молодой человек поспешил последовать примеру мужиков – зарыться в сено и проспать до утра. Как назло, крепкий сон долго не шел, и не отпускала какая-то непонятная тревога.

Провалившись в забытие, Захар все равно спал очень чутко и потому сразу же очнулся, когда услышал рядом голоса. На сеновале было темно, и шум дождя не прекратился, значит, прошло совсем немного времени. Вскоре ямщик различил на фоне двери силуэты сидящих людей и узнал их голоса. Это были отец Макарий и Распутин.

Начало разговора Захар пропустил, но, судя по всему, речь шла о раненом Дмитрие.

– Знаю, что нехорошо ему, только ты все равно не помогай, – тихо говорил Макарий. – Ему сейчас нужно тут остаться, вылечить не спеша и душой отдохнуть. А потом на Афон путь для него. А ты ступай дальше, коли хочешь. Не один ведь теперь.

– А куда мой-то путь, отец? На Афоне уже был и в Киеве, и везде хорошо, да что-то не то. Одни мне говорят – вернись к семье да забудь обо всем, кроме хозяйства, другие – ступай в монастырь и прими постриг... Куда ж мне?

– Думаешь, знаю? – Захару показалось, что старец улыбается. – Иди, может, и до самого Петербурга дойдешь.

На это Григорий только хмыкнул, а отец Макарий, помедлив, продолжил более серьезным тоном:

– Про тебя знаю, что к монастырской жизни душа у тебя не лежит. А если дома тебя запереть, ты там чудить начнешь.

На это собеседник старца только молча кивнул.

– Так что иди себе и придешь в точности туда, куда тебе судьба. Знаю только, что где-то есть она у тебя: не дома и не в монастыре. Далече.

– Это что ж выходит – что ни делай, а предначертанного не изменишь? Куда ни пойду, а дорога сама в нужную сторону свернет?

– Да не она свернет, а ты свернешь...

Тут тихую беседу прервали вздох и возня Дмитрия. Паломник и старец замолчали на мгновение и продолжили разговор еще тише, так что Захар уже мало что разбирал в их словах. Однако услышанного было довольно, чтобы понять – старец Макарий вовсе не так наивен, как кажется. Может, и стоит, как предлагала Катерина, спросить совета у него. И, убаюканный шумом дождя, Захар снова задремал.

* * *

Утром обнаружилось, что самочувствие Дмитрия ухудшилось. Вставать он не стал и от еды отказывался. Старец и Григорий укрыли его всей имевшейся в доме одеждой и еще раз промыли начавшую затягиваться рану.

– Куда мне теперь в дорогу! Без меня пойдешь, а я у отца Макария подлечусь, – бормотал Печеркин, морщась и дергаясь, пока Григорий прикладывал к его руке смоченную в каком-то травяном отваре тряпочку. – Осенью вернешься – расскажешь, что повидал.

– А то! Увидимся еще и наговоримся всласть, – подтвердил Распутин и, повернувшись к Захару, попросил: – Еще бы воды принес, милой.

– Я мигом, – подхватив деревянную кадуюшку, пообещал ямщик и поспешил в домик старца.

Завернув за угол, он обнаружил, что к обители отшельника неспешно приближается телега, которой правит, судя по засаленной скуфейке, монах. На телеге, свесив ноги, сидели баба с девочкой лет десяти и совершенно неожиданный в таком месте мужик в дорогой одежде,

какой-нибудь купец второй гильдии. «Просители», – догадался Захар и поспешил в дом, чтобы не мешать.

Монах-возница оказался из того самого Верхотурского монастыря и прибыл по делу – за яйцами, поставщиком которых был отец Макарий. Монах принялся перетаскивать из погреба аккуратные берестяные короба, а своим пассажирам предоставил полную свободу самим знакомиться со старцем.

Ямщику было любопытно, что же такого им говорит отец Макарий, и он решил расспросить гостей при выходе. Для вида вызвавшись помогать монаху устанавливать короба на телеге, Захар не переставал поглядывать на дверь.

Купец нервно расхаживал по утоптанной тропинке возле дома и с явным нетерпением дожидался своей очереди. Ни больным, ни особенно религиозным он не казался. Однако стоило женщине с ребенком показаться на пороге, как мужик бросился к старцу и упал перед ним на колени. Дверь закрылась, и Захару пришлось сосредоточиться на бабе.

Та отпустила дочь погулять и уселась на крыльце. Ямщик отметил, что девочка заметно припадает на левую ногу. У просительницы вид был успокоенный и умиротворенный, и Захар решил, что наступил подходящий для расспросов момент.

– Здравствуй, православная, – по-крестьянски поклонился он. – Не зря путь-то сюда проделала?

– И тебе быть здорову! – заулыбалась та, явно довольная появившейся возможностью поболтать. – Не зря ехала, не зря.

– Как тебе сам-то? Я тут с барынями, не ходил к нему, а интересно.

– Ну, у меня дело-то особого не было... Благословения для дочери хотела... Мы с мужем-то полжизни без детишек прожили. Молились господу, коли будут дети – отдадим одного в монастырь. И даровал он нам двойню, да одна, сам видишь, хромая. Вот подросла, думаю, пришло время в монастырь, и чтобы отец Макарий благословил.

– И что ж, благословил?

– Как увидел ее, говорит: «Куда же такую маленькую? Вот сначала замуж выйдет, детей родит, а как внуки пойдут – тогда можно и в монастырь». Мне такое облегчение сделалось!

Захар сочувственно покивал, думая про себя, что старец на редкость разумен и чуток к людям.

– А вот я тебе еще расскажу про купчину этого! – подмигнула ему вошедшая во вкус баба. – Он в Верхотурье по делам приехал и хотел отца Макария к себе зазвать. О богоугодном побеседовать и от дел не отвлекаться. Послал за ним кучера и повозку, денег обещал. А отец-то и говорит тому кучеру: «Сам при-едет, никуда не денется». Купчина разобиделся, разругался и собрался уезжать, а ему тут сообщают – на чугунке крушение было, и поезда ходить не будут, пока не починят там все. Испугался он – прям жалко мужика!

Слушая бабью болтовню, Захар все более убеждался, что совет отца Макария услышать будет очень полезно. К тому же Григория он уже давно знал...

Оставалось улучшить момент до того, как они покинут гостеприимный отшельничий домик, и он настал, когда верхотурский монах увез назад в обитель своих повеселевших пассажиров. Нужно было поговорить с хозяином без Григория и вдовицы.

Захар и Катерина подкараулили отца Макария, когда он выходил от паломников.

– Отец, мы бы хотели от вас совет получить, – кланяясь, робко начала девушка.

– Ох, ох! На что вам мой совет? И так все у вас на лад идет, – отмахнулся от парочки Макарий.

– Да нет же! – вспыхнула Катерина. – Я про болезнь свою спросить хотела. Знаете ли, что мне помочь может? Правда ли, что Григорий лечит божьей силой?

Макарий задумчиво поскреб щеку, а потом неожиданно спросил:

– А вы о нем знаете чего-нибудь али нет? Вижу, что не шибко и спрашивали. Ну, так я вам расскажу. У Гришки своих хворей было немало, и пошел он к святым местам, чтобы излечиться. Стало получше, да не отпустило. А потом, как женился, дети пошли, а с детьми беда. И первый умер почти сразу, и второй, и третий... И пошел он тогда сил да умений искать, детей своих отмаливать.

– И как же теперь? – с тревожным напряжением спросила Катерина. – Живы?

– Трое новых народилось – и все живы, здоровы! – улыбнулся отец Макарий. – Тут никакой тайны, все в его деревне о том знают. Хватит тебе такого ответа, милая?

– Спасибо вам, отец Макарий, за помощь и внимание, – поблагодарила отшельника Катерина и попыталась поцеловать ему руку.

– Вот еще! Чего удумала! – возмутился тот и, слегка приобняв за плечи девушку и ямщика, добавил: – Не мне твои поцелуи.

Глава 4

Путники покинули дом отца Макария еще до полудня, попрощавшись с мучающимся от лихорадки Печеркиным. Старец проводил своих гостей до кромки леса. По дороге он странно желал им доброго пути, а с Григорием прощался так, что было ясно – он не сомневается, что увидит его снова.

Хорошая колейная дорога под ногами легко вела их вперед, пока на закате, среди холмов, не заблестела золотом маковка сельской церкви.

– А эта деревня не такая же, как предыдущая? – тревожно спросила Катерина, оглядываясь на Григория. – Кто-нибудь бывал здесь?

– Нет, милая. Мы обычно другим путем ходим – тем самым, на котором с вами повстречались.

– А далеко ли ближайший уездный город будет? Нам бы только добраться... Найдем экипаж, да и с вами рассчитаемся, – предчувствуя скорый отдых, разговорила вдова.

– Ближайший уездный это Пермь, а нам до нее еще... – безнадежно махнул рукой Захар.

– Да не тревожьтесь! Можно в селе какого-нибудь мужика с телегой нанять и до соседнего городка добраться, – посоветовал Распутин.

– Нужно будет со старостой поговорить, – задумчиво покивал Захар.

На этот раз они оказались в большом селе и по единственной прямой «улице» добрались до открытого пространства возле церкви. Тут их уже поджидал сход из пары десятков мужиков, предупрежденных о приходе гостей заметившими их еще издали ребятишками.

– Кто такие? Зачем пожаловали? – неприятливо осведомился у них крепкий рыжебородый мужик в длинном суконном кафтане.

– Путь держим из разных мест, но по дороге пришлось уходить от разбойников и с тех пор идем вместе... – начал излагать их историю Григорий.

– Так это верно они и есть! Те самые, о которых молва от самой Воскресенской идет! – нехорошо прищурился другой мужичок в заплатанной косоворотке.

Остальные закивали, подступая к рыжебородому:

– Они, точно! Как рассказывали!

Катерина внутренне похолодела – хоть вид у мужиков был и не слишком воинственный, но их было много. Девушка инстинктивно прижалась поближе к матери.

– Что за беда, православные? – удивленно переглянувшись с Захаром, громко спросил Распутин.

Но мужики больше с гостями не разговаривали, решая, что теперь делать. Женщины и дети боязливо поглядывали на происходящее, не отходя от ворот своих изб.

– Ладно! – наконец решил рыжебородый. – Ведите их в поповский амбар, а то не ровен час и у нас чего уведут. А там уж подумаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.